

Юбилейный номер журнала «Бийский Вестник» – хороший повод поблагодарить отца-основателя, бессменного главреда Виктора Буланичева. С 2003 г. он выпускал его как альманах, с 2013 г. – полноценный (и полновесный) журнал. И теперь, когда мы будем гордиться или переживать (чаще, конечно, второе) по поводу судьбы этого сугубо российского феномена: *«толстый, литературный журнал»*, на нашей мысленной Карте страны... тут представляется что-то вроде тех карт планов ГОЭЛРО, пятилеток – должна загораться и «алтайская звездочка». Где-то в самом сердце Евразии, близ родины Шукшина, чуть правее и ниже Новосибирска – Бийск.

Этот 50-й номер выполнен именно в советско-русской «толсто-журнальной» традиции, коей живут уже 3-4 поколения читателей. Хитрая смесь: теоретически все понимают, со школы помнят, что «главное, определяющее в отечественной литературе – проза», но все равно начинают с поэзии, публицистики. Второе и третье условия хорошего журнала: баланс маститых и молодых, всероссийских и «местных» авторов. Два знакомых книгочех мне подтвердили: подборки стихов известных, знаменитых российских поэтов Марины Кудимовой, Николая Зиновьева, Дмитрия Мизгулина и

воспоминания Виктора Лихоносова определяют лицо номера.

«Плачешка» Кудимовой – прямо из русской многовековой традиции.

По ком же ты, плачешка,
Суровая скуфеюшка?
По **татам** ли по иродам?
По духу ли, что выдыхан?
По приотцовым сиротам...
Приматерным подкидышам...
Кто на земле не молится,
Тому в земле не сляжется.

Кажется, это могло быть нацарапано еще на бересте. Или в «Кому на Руси жить хорошо?» семь странников – ну точно могли встретить кудимовскую плачею. Хотя, на мой взгляд, главная, сквозная тема Марины: летопись страданий и мудрость – именно российского XX века. Когда сразу за «война – дворцам!», «мир – хижинам» обернулось – «...и баракам»:

В день, когда закончилась Россия,
Ангелина и Анастасия
Не могли не слышать «у-лю-лю»
От Иркутска и до Перемышля,
Но простоволосыми не вышли
Открывать ночному патрулю...
Пуля свистнет, словно окарина,
Невредимо стой, Екатерина,
И оборки на груди расправь.
Помни, все минуют, те и эти,
И земле понадобятся дети –
Лучшее лекарство от растрав...

Ну прямо она, знаемая по статьям Белинского о Пушкине-Гоголе – «народность». Помню, пытался дать определение книге Кудимовой «Черёд», вышло нечто эпиграммо-частушечное:

Мудра Кудимова – «Родина-мать».

Плакатным тиражом бы книжку дать.

Иди... куда Кудимова зовёт,

...И упирайся в свой «Черёд».

Известный своей «высоко-гражданственной лирикой» (ну всё, готов «Учебник Литературы» 1970-х годов издания – это я про себя, да, кажется, и рецензируемый журнал навеял), Николай Зиновьев в 50-м «Бийском Вестнике» представлен в основном «Элегиями». Два стихотворения в подборке так и названы, другие к ним примыкают:

Начало вечного пути,
Сад собирается цвести,
А мне еще нет и пяти,
Еще я ангел во плоти.
Потом когда-то будет плохо,
Я стану злым, пустой – эпоха,
Мир непонятным, а пока,
Жизнь светоносна и легка:
В ручонке чашка молока...

Слышен лай далекий, лисий,
Снег кружится молодой,
Человек шагает лысый,
С бородой полуседой,
Время кость пространства гложет...

Куда шагает? А туда же, куда и автор главной русской, эталонной элегии «**Вновь я посетил...**» Только И. О. «Михайловского» у Зиновьева – станица Кореновская Краснодарского края.

И... выверенный, а может, случайно угаданный журналом «пандан»: тонкий «пейзажный» лирик Дмитрий Мизгулин (вспомнить хоть его «*Зимняя дорога*», «*В зерка-*

ле изменчивой природы»), наоборот, представлен гражданственной поэзией. «Просквозило Россию насквозь» – имя всей подборки и рефрен завершающего стихотворения.

Жизнь прошла – наобум, на авось.
Все смела иноземная сила.

Просквозило Россию насквозь,
До последней души просквозило.
Каждый сам по себе не дурак,
Только кто за Россию в ответе?
И гуляет по душам сквозняк –
Подворотни неистовый ветер...
Проржавела державная ось,
Потускнело дневное светило.
Просквозило Россию насквозь,
До последней души просквозило.

От «ржаво-державной» аллитерации опасной, въедливой, как сама ржавчина, перейдешь на соседнюю страницу. Подборка Николая Алешкова невелика, но строка... точнее даже полстроки: «*Горизонт – как небесный порог!*» В стихотворении двое м-м... очень немолодых друзей идут, разговаривая, вспоминая детство: «*вдруг заплачет душа: «Я от них уходить не хочу*», и те ключевые полстроки, кроме зримости, неотвязчивой зрительности (на порог – поднимаются), приобретает метафизическую многозначность.

Еще раз извините за школьно-учебничный стиль. Журнал словно усаживает тебя за парту, на урок Литературы. Что еще сегодня «проходят»? – И не прогулять: в дверях уже Виктор Лихоносов с воспоминаниями о давней своей переписке с (ныне) «великими теньями». Георгий Адамович, Борис Зайцев, Иван Бунин, Лев Толстой... Нет, конечно, от двух последних Лихоносов писем не получал, но эффект достигнут поистине потрясающий. 1960-е годы. Два очень старых писателя-эмигранта Зайцев и Адамович шлют послания «молодому советскому писателю». Цензура, под-

разумеваемые перлюстрации, пропаяжа писем, посылок (книг), вызовы «в соответствующие органы»... даже накопленная горестная статистика: в провинции инопереписку зажимали круче, чем в Москве, лучший шанс дохождения – посылка на адрес журналы «Новый мир».

Ну а в чем «потрясающий эффект»? Старики-изгнанники отправляют послания, как бутылки в океан, вспоминают своих друзей-соседей-коллег, так и не доживших до возможности хотя бы этой «бутылочной» переписки с теми, на ком сосредоточились все их упования: с русскими писателями, живущими в стране русского языка (как бы она ни титуловалась в этот момент). Пишут они Юрию Казакову, Олегу Михайлову и совсем молодому русскому писателю Виктору Лихоносову. Пишут, естественно, о самом главном, что у них осталось, о том, что ощущают как Задание. Действительно, ни одна литература мира не испытала ничего подобного русской XX века. Личное общение осуществимо... ну как примерно полет на Марс (теоретически, «если б Бог дал более ста лет пожить, дожить...»). Но им всем, по обе стороны Железного занавеса, оно необходимо, важнее, чем любые межзвездные контакты. Чем необходимо? – Восстановление преемственности, латание драгоценной ткани.

Например. Лихоносов, Юрий Казаков, конечно же, прекрасно знают Льва Толстого... сочинения. Романы. А их друзья по переписке лично, долго и хорошо знали покойного Ивана Бунина. А Бунин **столь** же хорошо знал Толстого. И вот Георгий Адамович пишет Лихоносову, в момент видно тяжелый в творчестве Виктора Ивановича. Утешает, ободряет. Рассказывает, как Бунин ему рассказывал, как ему (Бунину) рассказывал Лев Толстой, что после (написания

или публикации) «Хозина и работника» ему, Льву Толстому, «на улице стыдно было выйти – такая это дрянь». Понимаете? Об этом факте Лихоносов с Юрием Казаковым могли прочитать и в какой-то толстоведческой монографии. Хотя и это вряд ли: убогий канон, лит-полит начальство скорее всего бы не допустило распространения в массах подобных признаний «зеркала русской революции». Но даже если бы пропустили, напечатали где-нибудь «тиражом для специалистов» – все равно это и близко не сравнится с тем, как **сам** Толстой сказал Бунину, а Бунин – Адамовичу, а... И так же о Есенине, правнучке Пушкина Воронцове-Вельяминове.

Б. Зайцев – В. Лихоносову: «Через улицу от меня жил Бунин, немного дальше – Мережковский, Алданов, Ремизов, Шмелев, сзади на опушке Булонского леса – Куприн... Эмиграция литературная понемногу вымирает. Недавно скончались Зуров, Газданов, более молодое поколение, чем я. И до меня скоро дойдет, через месяц мне 91 год... Вы, вероятно, знаете, что скончалась В.Н. Бунина от неожиданной болезни сердца».

Б. Зайцев – О. Михайлову: «Приезжайте к нам. Много есть о чем поговорить. Я пока жив, но торопитесь, помру – некому будет рассказать о...»

Ради этой переписки, восстановления ткани «советские писатели» рисковали и жертвовали карьерами. Восполняя неизбежные потери писем, дублировали друг другу каждое дошедшее оттуда слово.

«Вынимал из ящика письма с французскими марками, взбегал на третий этаж с внутренним криком: «от Бориса Константиновича! От Георгия Викторовича!» В казачьем городе некому было их показать... Еще одно толкование известного самоопределения русской эмиграции «мы не в изгнании, мы в послании» – да, в Краснодаре 1960-х письма

Адамовича показывать было просто некому. Как в песне Михаила Щербачова: «Здравствуйте, вот и я, мол. Только что, мол, с Луны»... А что сегодня сие Послание дошло до всей читающей России – заслуга и тех беспокойных парижских стариков, и «молодых советских».

Вообще ощущение восстанавливающейся «связи времен» – из числа сильнейших. Покойный Сергей Петрович Капица в своем «Никитском клубе» весьма щедро уделял внимание, время заседаний гуманитарным темам. В 2010-м героями обсуждений становились Лев Толстой, Твардовский. Публика самая высокообразованная, но преимущественно: ученые, политики, дипломаты. Помню, в своем докладе я рассказывал и о полном восхищении Бунина «Василием Тёркиным». Восприятие некоторых: как будто я раскопал где-то отзыв Тургенева о Шолохове, будто и правда океан прибил к берегу бутылку с интересным письмом...

Воспоминания Лихоносова «Привет из старой России» стали не только эмоциональным центром «Бийского Вестника» № 50, но и важным общим достоянием. Проза журнала по формальной необходимости – только рассказы, восполняющие качеством

недостаток печатных листов. «Обычная история» Сергея Козлова – такая же обычная для своего, как, наверно, «Обыкновенная история» Гончарова для своего. Эпиграфом или вместо эпиграфа – мужественное признание автора: друзья заподозрили его, что эту историю он вычитал в газете или в Сети. «Конфликт, проблематика», увы, обычны для 21-го века: кажется, о «гончаровской обыденности» нам теперь только мечтать! Группа вполне средних, типических юнцов собралась тоже вполне обыкновенно: послушать музыку, выпить и... пострелять из арбалета. И так же обыденно, непонятно как (типичная фраза в милицейских протоколах) отсутствие подходящих целей, птичек, кошек натолкнуло на идею стрельнуть в человека: издали, по уходящему, «наверняка только слегка зацепит». В общем-то так и вышло, и сильнее «цепляет» рассказ – насчитателей. Хороши, современны рассказы «Небо плачет» Алексея Шорохова, «Про тигра Амура и козла Тимура» владивостокца Игоря Дженджера.

Спасибо Алтаю, Бийску, Виктору Буланичеву и всем причастным.